

A vibrant, stylized illustration of a large orange fox with a child in its mouth. The fox has large green eyes and a black nose. The child has curly brown hair and is wearing a green and white checkered shirt. The background is a colorful, abstract forest scene with green and blue trees.

АРИНА КРЮЧКОВА

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

СКАЗКИ НА НОЧЬ ДЛЯ ОДНОГО ЕВГЕНИЯ

Арина Крючкова

**Сказки на ночь для
одного Евгения**

«Автор»

2017

Крючкова А. Ю.

Сказки на ночь для одного Евгения / А. Ю. Крючкова —
«Автор», 2017

«Сказки на ночь для одного Евгения» – это тридцать три истории, рассказанные любящим человеком о любимых людях. Сказки не похожи одна на другую: некоторые из них кажутся совсем абстрактными, другие понятны даже детям; какие-то написаны в форме притч, другие – в форме диалогов, третьи – в форме «потока сознания». Они не для детей и не для взрослых, они для тех, кто повзрослел головой, но остался юн сердцем. «Вы заставили меня полюбить совершенно незнакомого человека так сильно, будто бы я прожил для него всю жизнь». Содержит нецензурную брань.

© Крючкова А. Ю., 2017

© Автор, 2017

Содержание

От автора	5
Меня двое	6
О месте оппозиции в современной России.	8
Божество Синьцзяна	10
Из легенд об острове Гримси	12
Лекарство от боли	15
Не_дождь	18
Целое из дыр	19
55 Сансгі Е	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Арина Крючкова

Сказки на ночь для одного Евгения

От автора

Так давай на всех листах рисовать только Любовь... Безусловную Любовь!
(Анатолий Царёв, «Операция Пластилин»)

Есть на свете один Евгений, мой лучший друг. Как-то раз он попросил рассказать ему «что-нибудь», и я написала первую сказку. С тех пор я рассказываю ему о тех, кого люблю. О прекрасных людях.

Однажды знакомый писатель сказал со сцены, где мы вместе выступали по поводу выхода альманаха: «Кажется, Арина верит, что в людях есть что-то хорошее...» И это именно так. Я верю в это изо всех сил – и никогда не обманываюсь.

Каждая моя сказка – это иносказательное признание в любви. Я стараюсь писать их так, чтобы было легко и понятно читателю любого возраста, трогало бы и заставляло о чём-то подумать. Или даже – о ком-то. По-моему, нет ничего важнее, чем смотреть на людей вокруг себя. На людей, а не мимо и сквозь них.

Получается ли у меня или нет – это решать Тебе, дорогой читатель. В любом случае, я желаю Тебе приятных вечеров за этой книгой.

Ты налил себе чаю? Укутался в плед?

Отлично, тогда начнём.

Меня двое

– Ну зачем ты меня выдумала?! – доносится гневное из моей головы. Пожимаю плечами. Что сказать-то?

– Никого я не выдумывала. Ты сам пришёл. В мягкую синюю дверь, пока я спала. Вошёл и назвал: «Я Ёжи. Мне сейчас жить негде. Останусь? Чаёк поставить?» – и по-хозяйски достал чашку из шкафа. Не могла же я тебя выгнать!

– Вот лучше бы выгнала! Был бы я себе спокойным эфемерным облачком без ключей от квартиры в чужой дурной башке. И не приходилось бы принимать участие в реализации твоих идиотских идей! Ты, кстати, зачем мне стены перекрасила?! – у меня аж виски гудят от его криков. Вот-вот трещинками пойдут...

– Всё равно ведь всё смылось... – вздыхаю я, глядя с тоской в зеркало на волосы, слишком быстро переставшие быть фиолетовыми.

– А мне некомфортно теперь! Ты объясни, кстати, зачем с живой подругой советовалась? Я тебе на что?

Включаю чайник с целью заткнуть его наконец и начать читать. Семнадцатая книга за месяц – это же и без воображаемых друзей с ума сойдёшь!

– Чай будешь? – Ёжи выпрыгивает из моей головы и плюхается на диван. Закатывает устало глаза.

– Знаешь, как завлечь, ух, ведьма... рыжая... – злится. «Свои обои крась, мои-то зачем?!»

Нагло кладёт ноги в красных джинсах на спинку дивана. Клетчатая рубашка задирается, обнажая тощий белый бок. Была бы хоть на килограмм тяжелее, обзавидовалась бы.

Наливаю чай и приношу пончики. Хорошо, что твои воображаемые друзья любят всё то же, что и ты. Набивает желудок. Расплывается в улыбке, и, кажется, сейчас довольно замурчит, как кот.

– Ну, допустим, шизики бы меня так не кормили, спасибо, что выдумала, ведьмочка! Жаль только, мною не исчерпалось всё твоё воображение. А то оно какое-то больное. Выдумала меня и кроме – только кучу глупостей. А мне, может, одиноко. Выдумай кота? А лучше – жену! Мне можно, мне двадцать пять...

– Тебе четыре, – поправляю.

– Ну а в душе-то?!

– Нет, прости, без жены обойдёшься. Не хватает ещё, чтобы в моей голове поселились ваши нежности и семейные ссоры. Лучше скажи, где денег на поезд взять?

– Я безработный, у меня нет. А могла бы работу придумать... Нет, не надо, не надо! Разве что уличным музыкантом быть могу. Гитару вообразишь? И красивый бордовый шарф? И песенки?

– Я должна ехать. В июле – самый максимум, и то – не позже середины тогда... Ну же, Ёжи, миленький!

Оболтус уставился в пустоту – какую-то точку у меня на правом ухе. Серые глаза металлически сверкают.

– А может, стопом? – чуть ли не облизываясь.

– Это у меня тут – больные идеи?! Одной?! Стопом?! До Перми?!

– Не одной, вообще-то, – обиженно. Но идею дальше он развивать не стал. Теперь Ёжи думает долго, успевает сжевать все пончики и просверлить мне вторую дырку в ухе.

– А что, если... если... если записать мои истории, те, которые ты придумала, чтобы я мог рассказывать их каждый вечер перед сном, и продавать в интернете?

Я смотрю на него с ужасом. Продавать мои-его сказки?! А впрочем, может, и стоит? А то зря лежат и пылятся. Встаю и ухожу за ноутбуком.

Возвращаюсь, на ходу создавая файл. Окидывает взглядом, полным превосходства. Закуривает – прямо у меня в голове.

– Открывай, пиши: Сказка Первая, в которой автор становится стенографистом...

О месте оппозиции в современной России.

О том, что все случившиеся и нет доселе революции – лишь детские игры, ничтожные в мировом формате, а до настоящей Революции нам ещё расти и расти.

– Мы ещё можем... успеть, – хрипло говорил мистер Грей, который, впрочем, находился на собрании инкогнито, как и все остальные.

Его фраза была встречена тихим и густым гулом согласия.

– Силы наши, увы, невелики, но революция – дело рук единиц! – прокричал фанатично какой-то оратор.

«Невелики» – это, конечно, понятие очень растяжимое. В данный момент в зале было несколько сот человек в серых плащах с серыми капюшонами – идеальный костюм для того, чтобы затеряться в толпе или слиться с пейзажем. Ожидалось ещё прибытие на штаб-квартиру так называемой «белой армии», революционеров-смертников, привлекающих к себе внимание и тем самым отводящих взор «правоохранительных органов» от основной организации.

Времени на осуществление её планов, увы, оставалось очень мало. Некоторые из наиболее важных действующих лиц уже были арестованы и отправлены в крепость, чтобы всю оставшуюся жизнь царапать на её стенах крошечные палочки – по одной на каждый день.

И сейчас в этой зале решалась судьба всей организации и вместе с ней – всей страны. Прежние пространные планы следовало отменить, сократить, превратить в прямое действие. Необходимо было с каждым шагом приближаться к цели на тысячу шагов и каждым ударом попадать в неё. Все здесь были готовы к отчаянным действиям. Каждый навеки отрешился от своего прошлого, чтобы обеспечить мировое будущее миллионам других.

Тихо, словно солнечные лучики, проскользнули, наконец, на собрание и члены «белой армии». Их было мало: в такое опасное время они не могли полностью оставить свой пост ни на минуту. Но главы явились без исключения.

Проследовав к трибуне, один из смертников отрапортовал о деятельности своего звена мировой революции кратко, но по существу. Речь шла лишь о трёх днях, прошедших с последней встречи. К счастью, этот рапорт полностью соответствовал предыдущим планам и даже превосходил ожидания.

По-прежнему избегая шума, присутствующие встретили выступление лёгкими, едва слышными аплодисментами. Белый довольно спустился к своим звеньевым. Те, несмотря на изящные и снежно-чистые костюмы, на подбор все были отъявленными негодяями, бунтовщиками, дерзкими воителями грядущей революции. В них ещё больше, чем в серых товарищах, было отчаянной готовности жертвовать собой. И они жертвовали ежедневно, ежечасно и ежеминутно, каждый – рискуя всем, но посвящая себя общественному вредительству. По плану руководителей революции, именно это вредительство должно было обратить внимание «правоохранителей» на проблемы в стране и заставить их встать на сторону организации.

Удивительно, как метко она работала. Редко кто из членов, особенно по одиночке и в мелких скоплениях, попадался на глаза государственной армии и даже простых жителей. Но если кто допускал одну лишь мысль о том, что готов перейти на сторону повстанцев, он тут же бывал окружён членами организации, самыми говорливыми из них. Те заливали столько мёда в его уши, что теперь революция казалась прекрасной сказкой, чем-то заоблачным, но всё же достижимым, если этому посвятить всего себя... и он, конечно же, посвящал.

Таким образом происходила вербовка новых членов. Но сейчас, увы, завербовать хоть одного, самого мелкого жителя становилось сложно – все силы уходили на обеспечение безопасности нового режима. И, конечно, на подготовку к революции.

С прибытием «белой армии» заседание оживилось. За считанное время окончательный план был готов, и революционеры принялись к проработке последних штрихов. Один совсем маленький и, казалось бы, ничтожный член был отправлен с телеграммой к практически единственному, но мощнейшему союзнику, задачей которого было осуществить транспортировку сил смертников в утроенном количестве, чтобы занять ими всё внимание «правоохранителей», пока серые под руководством мистера Грея нападут на своего главного врага – того самого Человека, который командует борьбой с ними.

К утру всё было готово. За ночь ветер поднялся так сильно, что тополиный пух заполнил весь город, точнее, «всё государство», белыми облаками запрудил каждую улочку, даже самую богом забытую.

Особый отряд пыли подобрался к спящему и ничего не подозревающему Человеку, крутился, беззвучно хохоча, вокруг него, и, наконец, залетел в нос. Человек чихнул и проснулся; он встал с кровати сильно раздражённым и тут же собрал пылесос. Первый удар пришёлся под шкаф – на квартиру генерального штаба.

Вереща, пылинки неслись по проводу в самую глубину пылесоса, в бачок-крепость, чтобы встретить там давно уже пропавших без вести товарищей и вместе ожидать своего конца.

Революция окончилась, не начавшись. Человек доказал силу скромного местного тоталитаризма. Он уничтожал любую встреченную пылинку, но особенно агрессивен был к новым оппозиционным группировкам.

Мир остался неизменен.

Божество Синьцзяна

– Вы знаете, я даже был знаком с ним лично... – доверительным тоном начал мой Кот, чинно восседая на столе и подмяв под себя хвост. Он смотрел в глаза гостям одновременно презрительно и интригующе и мурлыкал мягким, с хрипотцой, басом: – В те годы я ещё был молод, мог позволить себе независимость от человеческого дома и много путешествовал. И вот в одном из своих вояжей в дальние края я и познакомился с ним...

До Синьцзяна я добирался долго, методом, который нынче прозвали «автостопом». Тогда всё было проще: заскочи в приоткрытую дверь, наприсись под тёплую шубку к какой-нибудь милой даме, в крайнем случае – спрыгни с дерева в кузов грузовика. Самое главное – это не проспять свою развязку и, конечно, иметь гибкое понятие слова «гордость». Сейчас я бы не позволил воняющему духами существу засунуть меня под шкуру, но в юности, сами понимаете, ценности другие... К тому же, от многих женщин, как от маминого брюшка, пахнет ещё и молочным теплом.

А тогда, доехав, я просто валялся на улице без сил. Чуть ли не блох подпустил к своей шерсти, а рыночные задворки – к желудку, пока наконец не оправился. И, может, я бы так до сих пор и был дворовым китайским котом, позволил глазам смешно расползтись, а морде – округлеть, если бы не эта чудесная встреча тогда. Он в буквальном смысле вытащил меня с помойки.

Сначала я, конечно, долго смеялся, а может, кашлял, это как посмотреть, окружающим различить было сложно. Подумайте: к вам, задиристому молодому коту, блюдущему извечный принцип «назвался панком – живи... хотя бы живи», подходит холёный толстый хомяк с заплывшими от жира щеками. И не просто бесстрашно подходит, но милым тоном предлагает свою помощь.

Разумеется, первым делом я, решил попугать глупого зверя. Поиграл мускулами, оскалил битый клык... Но хомяк оказался таким бесстрашным и голубоглазым, что... я принял его помощь. От самого себя такого не ожидал.

Привёл меня хомяк в какие-то не по-звериному роскошные хоромы, накормил, указал, где отмыться. В юности я, не то что сейчас, к данной процедуре нормально относился – главное, чтоб не струёй из шланга в упор. Прожил я в этом раю недели две, может, и дольше. Потом стал постепенно выбираться погулять по городу, но съезжать не торопился – я же не дурак. Только когда хозяин завёл речь о необходимости освободить жилплощадь, чтобы он подобрал другого несчастного, я собрал своё брюхо и отправился в обратный путь. Да, это сейчас я такой замечательно круглый, а тогда у меня был первый в жизни жирок. И меня это даже беспокоило – боялся девушкам разонравиться. Зря! Как говорится, толстый кот – любимый кот.

Уже прощаясь, обратился ко мне хомяк с первой за всё время общения просьбой. «У меня такая традиция, – говорит. – Я у каждого гостя прошу принести мне его самое любимое лакомство. В идеале – сладкое, конечно, но я уже заметил, что ты больше по рыбе. Можешь сейчас не отдавать. Просто, когда у тебя будет лишний кусочек, собери какую-нибудь яркую штучку и там оставь. А я обязательно найду!»

На том мы и расстались. Ещё не скоро, на полпути домой, я вспомнил об этих словах. В районе Перми меня угораздило влюбиться. И не просто поорать под окнами белошёрстной красавицы пару ночей, а всерьёз так влипнуть. И ладно бы – в принцессу, а так даже я со своим «мой живот – моё имущество» был богаче её. И симпатичнее. А она ещё и считалась, вроде как, замужем: была фавориткой вожака местной дворовой стаи. Короче говоря, чувства мои мне самому были необъяснимы, но страдал я как следует.

Однажды притащил ей угоститься любимые крабовые консервы, а она заявила, что не ест морепродукты. Расстроился, конечно, даже разозлился – это вам не гречки с говядиной

достать! Appetит совсем пропал, но не выбрасывать же... Вспомнил слова хомяка, над своей наивностью посмеялся, но в угол комнаты, где тогда жил, натащил всяких ярких вещей: обренок какого-то пледа, парочку фантиков, зелёное пёрышко. И даже вырвал зачем-то клочок своей шерсти. Ну что может быть ярче и красивее моего рыжего хвоста?

Краба я тоже туда вывалил. А утром его не оказалось. Я решил было, что лакомство тараканы растащили, но не всю же банку... В тот день ко мне вернулось умиротворённое настроение Синьцзяна. А всего через пару встреч возлюбленная сказала, что от вожака своего уходит, влюблена в меня по уши, все дела. Я с ней даже жил с год, пока пути наши не разошлись. И даже довёз обратно до Москвы мальчишку-котёнка.

Конечно, тогда я не связал свою радость с крабовыми консервами в углу. Но уже сильно после, дома, услышал историю о Синьцзянском Божественном хомяке, в милости щедрым на счастье, а в злости таком смешным, что недоброжелатели его частенько погибали от хохота... О покровителе голодных странников, отчаянных бунтарей и непослушных детей. Я и сейчас периодически откладываю ему кусочек того или иного ужина. Как старому другу, он прощает мне отсутствие специального алтаря. И посылает счастье.

Больше нам не привиделось встретиться. Но скажи мне кто-нибудь из знакомых сейчас, что срывается автомобилем в Китай, я бы тут же собрал свои вещи и забил место в машине. Жаль, что так далеко никто не ездит, а самолёты, вы знаете, я не люблю.

На этом Кот закончил свой рассказ, и, хотя в иных обстоятельствах каждый из нас почёл бы это за редкостную чушь, все мы почему-то ему поверили. С той боязливой стеснительностью, с которой атеист крестится, попав в поражающий красотой храм, я вечером возвёл в углу дома небольшой алтарь, который выкрасил в яркие цвета, и возложил туда с десятков засахаренных орехов. Не могу сказать, какова тут доля самовнушения, но на следующее утро я проснулся куда счастливее, чем кто-либо за всю мировую историю, вынужденный вставать в семь утра под ненавистную мелодию будильника и собираться на работу.

Из легенд об острове Гримси

В грязном полуподвале на окраине Акурейри совсем нет света. Он мог бы проникнуть в крошечное оконце у самого потолка, но день здесь так короток даже летом, что свет попросту не успевает добраться до мест вроде этого. Свечей у хозяина нет, да он и не умеет их зажигать – поэтому со стороны, если какой-то чужак решится лечь на землю и заглянуть в оконце, покажется, что здесь никто не живёт. Только стоит многовековое кресло с грудой пыльного тряпья.

Но если бы этот чужак вздумал пролежать на своём месте в углу залитой всякой дрянью улицы день или два, он мог бы понять, как сильно ошибался вначале. Вовсе это не тряпье – это и есть местный житель, Палл. Здорово же поиздевалась над ним матушка, назвав ребёнка «маленьким»! Под старыми одеждами в кресле, почти обездвиженный, сидит огромный и очень уродливый человек.

Нос Палла настолько большой, что дети путают его со скалой. Кривые клыки взрезают губы, вырываются изо рта окровавленными пиками. Клочковатая бородёнка в местной темноте кажется отливающей зеленью, а крошечные глазёнки теряются на фоне больших острых ушей. Людской молве, конечно, не стоит верить, но поговаривают, что Палл – потомок троллей с близлежащего острова Гримси. Этим же объясняют и странную любовь к нему птиц.

Последние двадцать, а может, и все двести лет этот уродец не появлялся на улице. Но когда-то он выходил часто, перебивался тем, что получал подачки за выполнение тяжёлой работы. Дел, увы, было мало, поскольку большинство жителей Акурейри не могли сдержаться отворачивания перед Паллом и прятались от него. Некоторые даже утверждали, что предсказывают появление своего соседа по резкому запаху, но уж это – точно враки. Всякий исландец знает, что тролли пахнут чистейше, как горы: мхом и холодной водой.

В те времена, когда Палл ещё гулял по улицам города, его всюду сопровождали птичьи стаи. В основном это были чайки, но встречались и более редкие морские птицы. С тех пор друзья успели позабыть этого человека-тролля, и только один маленький свиязь неизменно навещает его.

Свиязь – довольно крупная пташка. И совсем не певучая. Но с этим всегда было что-то не так. В городе он был известен как Триггви (что означает «заслуживающий доверия») и его всюду любили. Совсем маленький, в два, а то и три раза меньше собратьев, и голосистый. Не соловей, конечно, но откуда местному жителю знать соловья?

Конечно, история существования этого свиязя вызывает сомнение. Ведь его помнит не одно поколение жителей Акурейри, а Палл знаком с ним с тех пор, как появился на свет. Когда же появился на свет Палл – никому не известно. Нынешние деды помнят его только глубоким стариком и утверждают, что он последний раз выходил из дома на заре их лет.

Вполне возможно, что Триггви – это семейное имя. Но большинству предпочтительнее думать, что он – птичий брат человека-тролля. Потому только, мол, уродец всё ещё жив, что к свиязю привязан каждый, от старика до мальчишки. И крошечная птица питает огромное чудовище силами, которые ей даёт любовь окружающих.

К счастью для Палла, дети его боятся. Если ты настолько стар и настолько ужасен на вид, даже в сущих ангелочках рождается жестокость, которая требует засмеять, закидать камнями, забросать грязью. Одному богу известно, почему детское сердце так склонно закрываться, демонстрируя миру своё полное отсутствие, но от естественности не убежишь.

Однако несколько десятков лет назад, когда тролль, который раньше мог похвастаться хотя бы силой, стал совсем безобиден (его крошечные глазёнки ослепли, а ветвистые руки с огромными буграми тёмно-коричневых вен окончательно ослабли), местные женщины почему-то общим советом признали, что он – страшнейший людоед. Что по ночам Палл вылезает из своего подвала и охотится за их детьми.

В общем, Триггви – последняя отрада этого старика. Когда и без того тёмно-серый мир его совсем чернеет, в прорези оконца появляется этот крошечный свиязь. Светло-бурое оперение хранит на себе остатки солнечных лучей, хотя он – единственная в Акурейри птица, ни разу не улетавшая на зиму.

Презрев свист-глиссандо и брачное жужжание, Триггви замечательно выпевает ему одному известные мелодии. Звук получается нежный и гармоничный, словно эта птица играет на скрипке, тогда как все остальные свиязи рождены без намёка на музыкальный слух. Как и у скрипки, голос Триггви глубокий, многомерный.

Палл не остаётся в долгу. Говорят, тролли острова Гримси не могли издать ничего, кроме страшного рёва. Но это неправда. Историки всё ещё сомневаются в происхождении волынки, но просто потому, что считают истории о троллях сказками для непослушных детей. Всякому дураку, встретить он коренного обитателя Гримси с его огромной волынкой, стало бы понятно, что гримшанин был рождён с ней.

Так и Палл владеет этим инструментом в совершенстве. Можно с уверенностью утверждать, что он вовсе не учился – просто когда мать оторвала его от груди, детские губки ткнулись во вдвунную трубку волынки. Вы наверняка слышали, что нет музыки скучнее и немелодичнее, чем волынная – те, кто говорят это, никогда не слышали игру тролля! Палл извлекает из своего инструмента настолько чарующие звуки, что в Акурейри их прозвали «пением полной луны». Наивные люди считают их чудом, не зная, что их издаёт Палл. Уродец действительно чаще играет по ночам, но вовсе не всегда при луне. И уж тем более он не ждёт, чтобы она отъела свои бока.

Что греха таить, исландцы – странный народ, и особенно жители северной столицы. Они живут в совершенно языческих суевериях, запрещая детям подходить к уродливому старику – но они, видите ли, слишком прогрессивны, чтобы верить, что на Гримси обитают тролли и великаны! И даже, что когда-то они там были. А ведь ни один житель Акурейри до сих пор не отважился направить туда свою лодку и проверить. Можете себе представить, какой переполох поднялся бы, если бы заезжий чужак спросил, сколько стоит участок земли под дом на живописном берегу?

Триггви учился пению именно у Палла. И теперь он в крошечных клюве и лапках приносит своему учителю еду. Удивительно, как мало нужно такому огромному существу, чтобы поддерживать жизненные силы! Свиязь приносит ему горбушку белого хлеба, хорошо бы горячего, и кусок бараньего мяса без жира. Может, тролль и не прочь полакомиться топлёным салом, да только не на чем его разогреть.

Из всех суеверий о Палле верно разве что одно – он как огня боится... огня. Должна же была как-то кончиться легенда о троллях с Гримси, и говорят, что однажды храбрый Ладвик в трёх сотнях мест поджёг остров. Так он отомстил чудовищам за то, что те полакомились его невестой, прекрасной Асдис. История эта со всех сторон неправдоподобна: во-первых, давно известно, что тролли не питались людьми. Во-вторых, остров стоит целёхонек, да и как бы мог один человек, пусть и знаменитейший воитель, поджечь сразу триста мест? В-третьих, неспособность богини защитить себя от обычных людоедов вызывает немалые сомнения.

Но факт остаётся фактом – потомок троллей Палл боится огня. Речь даже не идёт о пожарах, которые, наверное, могли бы остановить его сердце. Это огромное существо способно взвыть от крошечной свечи. Может, не будь этого страха, в его комнатухе чуть развеялась бы тьма. Или он даже казался бы человечнее людям: ведь они боятся тем больше, чем меньше объект страха на них похож.

Говорят, что каждый город в Исландии появился на месте маленького каменного замка, построенного игравшим здесь детёнышем тролля. И стоит он до тех пор, пока не умрёт последний из того рода. Нет никаких сомнений, что жизнь Акурейри течёт вместе с кровью в жилах Палла – и очень мало сомнений в том, что у этого старика есть дети. Женщины троллей ещё

выживают в мире людей, будучи замечательными красавицами, разве что слегка необычными. Но мужчин в человеческом мире презирали за их омерзительный вид.

И всё же Акурейри стоит до сих пор, а значит, на его улицах до сих пор можно встретить крошечного свизя Триггви. И даже увидеть пыльную кучу грязного тряпья, если хватит смелости лечь на залитую неясно чем окраинную мостовую и припасть к оконцу на уровне земли.

Если же вы встретите grimшинского тролля, пожалуйста, отвезите его на родину. И обязательно найдите старика Палла. Пора спасти смешных суеверных исландцев, забывших о главной своей легенде.

Будьте бдительны, особенно если слышите чарующее своей мелодичностью пение волынки.

P.S. Большая часть легенд придумана автором или хотя бы составителями туристических справочников. Впрочем, и ребёнок знает, что если хоть один живой человек поверил легенде, то она в каком-то из измерений стала правдой. Именно поэтому я предпочитаю верить – во всё.

Лекарство от боли

Мир полнится чужими звуками. Маленький мир, в котором ни за что заперли десятки людей, сотни мыслей, тысячи слёз. Мир, где живут только от четырёх до шести, где свет в конце тоннеля – понятие буквальное и совсем не высокое, означающее туалет. Маленький мир, где все ждут своей «пятницы», «среды» или «понедельника», своей грани с Большим.

Горячечный шёпот иссушает губы, литрами льётся в горло вода, заполняет через край, размывает боль на секунду, чёткость в глазах – на бесконечное солёное «сегодня».

Пахнет из прошлого: дешёвым дачным мылом, которым бабушка, ругаясь на твои лезущие под руку волосы, до боли и красноты тёрла плечи. Сквозь это едва-едва пробивается терпкий запах чужой боли, детского хрипа и крови – запекающейся так быстро, что она мешает дышать.

Маленькая девочка лежит в зыбкой больничной темноте на кровати, рядом с мамой и в бесконечной дали от неё. Она просыпается каждое утро: ярко-солнечное, чёрно-тихое, сиренево-волнительное, и спрашивает, сколько ей ещё осталось. Мама несколько дней подряд отвечает «неделя», «три дня» и «всего несколько часов». День рассыпается как конфетти, разбиваясь о сознание, кончается тут же. «Спи», – говорит мама, и девочка засыпает, чтобы снова проснуться через пару часов, новым «сегодня».

Но сейчас девочка не может уснуть. Ей страшно, и она шепчет толстому плюшевому коту Жоржу всё, что знает о больнице:

– Главный доктор никого не лечит. Он выходит из кабинета, чтобы пройти круг, задуматься и спросить: «Зачем я вышел?» Он похож на старого бульдога с седыми усами, который живёт у Леночки, нашей соседки. Пухлые щёки обвисли. Пухлые, Жорж, потому что говорить «толстые» мама не разрешает, это грубое слово.

Маленькая девочка дышит часто, ей надо помолчать немного, чтобы набрать побольше воздуха. Она наливает в чашку воду и дёргается: в прошлое чёрное утро мама говорила, что ей нельзя пить. Потом её больно-больно укусил «маленький комарик» и – пустота. Девочка дёргает упрямо плечами, пьёт.

– А с нами в палате живёт молодая ведьма. Я слышала, как в коридоре её называли так. У неё нос большой, почти как у Бабы Яги, из него торчит кусочек белого бинта. Иногда она улыбается мне измученно. Но на других смотрит зло и почти не выходит из палаты. А глаза несчастные, и просыпается всегда с испугом. Как думаешь, может, это не злая ведьма? Хоть чуть-чуть?

Жорж – просто кот из плюша, но когда взрослые спят, он немного двигается. Он кивает согласно. Конечно, не злая. Больше, чем чуть-чуть.

– Вот и я так думаю. Знаешь, после воды мне теперь хочется в туалет, но я боюсь туда идти. В палате рядом с туалетом живёт настоящий тёмный эльф! Он умеет проклинать, подув в спину человеку. Он огромный, очень высокий, очень худой. Весь в чёрном. И волосы тоже чёрные и длинные, как у девчонки.

Маленькая девочка испуганно шурится, крепче прижимает к себе Жоржа – о тёмных эльфах даже говорить страшно. Она часто целует игрушку в мягкий нос, ложится поближе к спасительному маминому теплу.

– В самом конце коридора есть мальчик-призрак. Но он – хороший призрак, потому что, когда темно, он спит. В коридоре его можно увидеть очень редко. Он плывёт по воздуху, прижавшись к стенке, тонкий-тонкий. Думаю, в сильный дождь или ветер он растворяется. Но, знаешь, Жорж, всё-таки он добрый. Его волосы похожи на лепестки одуванчика, который случайно распустился осенью.

Позапрошлым утром в коридоре появилась новая девушка, думаю, это сама Весна. Уже август, поэтому ей пришлось лечь в больницу. Я немножко боюсь, что она пролежит тут всю осень и всю зиму. Представляешь, как это долго? Даже меня выпустят раньше. У Весны длинные тонкие ноги в шортах с цветочками, а волосы смешно зачёсаны на бок. Она не говорит даже с врачами, потому что летом Весна очень, очень слабая.

Девочка снова переводит дух, а в приоткрытое окно в это время веет холодным ветром, и малышка слышит в шуршании листьев злобный смех приближающейся осени. Она хмурит брови и сжимает в ниточку свои и без того тонкие губы. Весну тут в обиду не дадут.

– В соседней с нами палате нет взрослых. Потому что вечным детям из Нетландии они не нужны. Я сама слышала, как один из них пел про то, что они – нетландцы. У него перевязана голова, потому что в битве с пиратами он потерял ухо. Все говорят с ним слева, справа он совсем не слышит. Его сосед тоже пострадал в бою: враги сломали его нос. Но отважные нетландцы не сдаются! Поэтому, Жоржик, будь уверен: никто в больнице не справляется со своей болезнью так легко, как эти двое.

Словно подтверждая её слова, из-за стены доносится громкий смех. Мама устало ворочается во сне, а маленькая девочка стремительно юркает под одеяло, потому что в следующую секунду по коридору, тяжело топая, проходит медсестра. Соседи пристыженно замолкают.

– Самый таинственный житель здесь – это молодой принц маленького немецкого княжества. Он никогда не унаследует своих земель, потому что Германия давно перестала быть королевской страной. Её возглавляет канц-лер. К тому же у нас в России нельзя унаследовать немецкое княжество, понимаешь? Я не умею пока объяснять такие вещи, Жорж. Но правила для принца всё равно немного не такие, как для остальных. Например, он почти всегда живёт не в своей палате, а в других. И ещё ложится позже всех. С ним ночами разговаривают медсёстры, и даже ведьма, хоть и смотрит на всех злыми глазами, отдаёт ему дань печеньем. Наверное, потому, что немцы – злые, и она его боится. Дедушка рассказывал мне однажды про немецкую войну, и после тех историй я тоже боюсь немцев. Хотя мама и говорит, что они уже исправились и стали хорошими. Но дедушка же старше, а значит, умнее.

Конечно, в больнице есть и обычные люди, такие, как я. Определить просто – с обычными живут мамы, реже – папы. Врачи и медсёстры, все, кроме Бульдога, тоже обычные, поэтому им приходится лечить больных и всё помнить. Как думаешь, Жорж, когда-нибудь я смогу тоже стать волшебной? В одной книжке мама читала мне про академию, где из простых детей делали магов. Хотя некоторые из них даже не знали, пока им не прислали совиной почтой письмо, что мир магии существует! Думаю, стоит подождать, мне ведь тоже может прийти письмо! А сейчас, Жоржик, я что-то устала, и мне почти уже не страшно... Я буду спать. Спокойной ночи, до завтра!

– Сладких снов. Спи, – как мама, говорит плюшевый кот Жорж, и маленькая девочка закрывает свои большие глаза. Ей требуется всего несколько секунд, чтобы заснуть.

Воздух невидимо дрожит от тысячи тихих, играющих в одном ритме звуков: стук дождя в окно, детский храп пациентов с аденоидами, шуршание каких-то бумаг на дежурном посту, закипающий чайник в сестринской, мысли о доме, стучащие в десятках маленьких сердец.

Маленькая девочка видит во сне Хогвартс, мечтая, что следующее завтра – это наконец то, когда вместо «спи» она услышит «собирайся». В кабинете главного врача на диване лежит и расчёсывает усы старый седой бульдог. Безухий нетландец, уставившись в стенку, твердит, что хочет домой, а тот, у которого сломан нос, рычит на него: «Хватит ныть!» Тёмный эльф переводит страницы любимой старой книги. Весна, приоткрыв окно и положив руку на подоконник, чтобы запах выветрился, красит ногти ярко-розовым лаком. Мальчик-призрак, ворочаясь, шепчет имя любимой девушки, которая приходит к нему каждый день в часы посещения. Немецкий принц отправляет ведьме сообщение: «До одиннадцати точно не засну. Пиши». Она

просыпается от жажды, выпивает залпом чашку воды, включает телефон. «Выходи в холл, буду через минуту».

Хогвартса, может, и не существует. Но там, где сходятся каналы всей мировой магии, седой Чародей довольно ловит волну маленькой девочки из детской городской больницы, сумевшей вдохнуть волшебство почти во всех обитателей этого гиблого места. Он пишет в древнюю толстую книгу имя, в скобках добавляет: «Плюшевый кот Жорж». Рядом рисует бумажного журавлика – один из символов, понятных только ему.

– Ценный маленький человечек! – улыбается Чародей. – В наше время те, кто умеют изобретать лекарство от боли, рождаются реже всего. Я научу её быть сильной – за всех.

Не_дождь

*Я не дождь. Я всего лишь...
Дождеприёмная решётка
(Анатолий Царёв, «Операция Пластилин»)*

Я сижу в самом центре мира. Со всех сторон – бесконечность. Бесконечность вовне и внутри меня.

Я смотрю в бесконечное небо, чьё-то стальное сердце. Небо улыбается мне, сверкая ярко-жёлтой молнией. Покупайте новый орбит со вкусом ананаса. Ослепительная желтизна.

Оно шаг за шагом проникает внутрь. В центре мира нет ни бумаги, ни чернил, ни карандаша, ни даже крови, которой можно было бы писать, но я пишу. Снова о небе. Наверное, даже снова о вере. Находя её для других и всё больше теряя сама.

Молнии становятся чаще. Я хотела бы отвести взгляд от этой небесной истерики. Но она – часть меня. Она разыгрывается вовне и внутри.

Небо страшно смеётся громовым грохотом. И тут же кидается в слёзы. Вода не льётся с него, она падает. Кубиками. Лишь в нескольких метрах от земли – от меня – эти кубики разбиваются. Не капли, а бесконечные ведра ледяного дождя.

Дождь заполняет мир, его центр, его бесконечность. Дождь впивается в меня, растворяет одежду, становится второй кожей. Дождь наполняет мои вены, выводя из них цвет. Цвет рассыпается очищенным гранатом, сотнями гранатинок. Дождь уносит гранатинки прочь от центра мира.

Дождь наполняет мои глаза, и мне начинает казаться, что я и есть – дождь. Я вижу всё сквозь стену воды. Потом я уже не вижу всё. Я уже даже Ничего не вижу.

Дождь плещется у меня в висках. Вымывает из них всю не растерянную прежде пыль – памяти, глупостей, признаний, картинок с чьей-то натянутой на скелеты кожей. Дождь вслед за одеждой забирает у меня клетки тела.

Дождь добирается до самого главного. Дождь пытается растворить во_мне_в_себе Тебя. Ты ещё держишься за что-то, хотя от меня ничего не осталось, ничего нет, ничего никогда не будет. Я становлюсь водой.

Ты открываешься, и дождь отталкивается от Тебя. Он смотрит недоверчиво. Неужели что-то может его остановить? Ведь только что он растворил человека, растворил его тело и даже душу, и только пульс ещё оставался, а потом взорвался. И смог ему помешать.

Ты собираешь по каплям и по красным крупичкам-гранатам то, что считалось мной. Оно помещается в одну Твою ладонь. Ты сжимаешь её, и розоватый сок из дождя и граната стекает по Тебе в центр мира. Ты заново лепишь меня. Ты вкладываешь мне во взор Ничего, потом немного всего, потом всё.

Ты поднимаешься наверх и выключаешь дождь. Я сижу в центре мира. Со всех сторон – бесконечность. Бесконечность внутри и вовне меня. Воздух пахнет свежестью и постливыми листьями.

Ты улыбаешься.

Может быть, внутри даже сильнее, чем вовне.

Целое из дыр

Стоял, и тёплые волны нежно лизали ноги и поддерживали, словно не давая упасть. Смотрел в океан, а видел всё то, что происходило на Земле: в белой морской пене, в блестящей соли. Внимал. Он размывал водой каждый намечающийся сгусток тьмы, и в мире не творилось ничего плохого. Все люди во всех концах земного шара улыбались друг другу. Все люди уважали друг друга, обнимали друг друга, и Он тоже обнимал их: солнечным светом, лёгким ветром, шелестом листвы. Цвела весна.

Смеялся, глядя на то, как всё здесь прекрасно. Благодарил отца, что Ему досталась Эта планета. Танцевал. Готов был прижать к себе всё живое – и всё живое танцевало и пело. Некоторым казалось, что это Вахх проснулся после сна в несколько тысяч лет. Наверное, он и был чуточку Вахх, только не выходил за грани и не пьянел.

Солнце катилось и катилось, близился закат. Он шёл по берегу, пока не встретил львов. Огромных, с гривами из позолоченных лучами облаков. Отец приказал им Ему служить, но львы не служили: они помогали величественно, как равные. В их гривах трепетали цветные ленты – счастье всех тех сердец, что бились сейчас на Земле. Распустил рукав своей рубашки, вплёл ленту от себя – она была нежно-голубой.

Своим огромным шершавым языком лев лизнул Его в щёку. Он стоял теперь мокрый и смешной, а большая рыжая мягкая кошка с пушистой гривой повалилась на песок и урчала. Дрожь шла по земле. Плиты двигались – и появлялись горы. Он смотрел на это с восторгом, встал и побежал – туда, выше, к солнцу. Думал, что может достать его. Чуть-чуть не дотянулся, и оттого обрадовался только больше. Отец сказал, Он ещё подрастёт!

Около солнца было жарко. Он спустился к океану, хотел напиться – но соль щипала горло. В ладонях, откуда постепенно вытекала зачерпнутая вода, плескались рыбки. В отличие от Него, они любили воду. Спросил: «Как же соль?» – и, не дождавшись ответа, отпустил. Рыбки развеселились: били по воде хвостами, пускали пузыри. Так плескались, что океан вышел из берегов – но соль в них осталась. Так по земле потекла первая пресная река, из которой потом появились все остальные. Он припал и долго-долго пил. А рыбки всё смеялись. И вода стремилась прочь – напился львы, напился все животные и деревья, напился люди. Теперь весна цвела ещё сильнее.

Солнце закатилось за океан. Зажигались звёзды. Звёзды висели ниже солнца, и с гор Он смог дотянуться до них. Звёзды оказались рассыпчатым печеньем. Он съел немного, и тогда хрустящие светлячки попали к нему в вены. Он засветился, и вокруг стало всё видно, почти как при солнце. Львы одобрительно зарычали. Он понял: Его задача – светить тогда, когда ничего уже не светит. И принялся светить изо всех сил.

Когда небо опять затеплилось, краснея от восходящего солнца, наконец вздохнул облегченно. И, совершенно уставший, улёгся спать – прямо там, где стоял. Львы расселись вокруг: охранять и греть. А Он всё танцевал и танцевал, намереваясь коснуться каждого кусочка земли, – теперь во сне. И внутри у Него пело. Эту мелодию Он назвал «душа». Каждый раз, когда удавалось заглянуть, нежно и радостно, в чьи-нибудь глаза, она становилась красивее. Больше всего Ему нравилось встречать людей: они были на Него чем-то похожи. Он был счастливее всех на свете – и учил свет этому счастью.

Это был первый день, и юный Бог был влюблён. В свои творения. В нас.

55 Cancri E

Каме Д.

Помню, как мы познакомились. Тёплым летним утром я пришёл на работу – опаздывая, как всегда, – и курящая на крыльце Тоня, зависшая на какой-то межпространственной точке, не отрываясь от созерцания Ничего, произнесла: «У тебя там новая пациентка. Очень интересный случай. Удачи». Такой комментарий, вообще-то, призван был меня напугать, но хорошее настроение (по городу как раз летал горячо любимый мною тополиный пух, снежно-красивый и тёплый-тёплый) не исчезло.

Пациенты у меня сменялись часто, но интересный случай попался один на двадцать больных, а то и реже, хотя над входом в наше отделение и висела гордая золочёная табличка: «Изучение и лечение уникальных случаев». Ошибок было много, и часто в «уникальные» другие врачи записывали то, с чем им не хотелось возиться – но людей мы лечили, всяко выходило быстрее, чем в обычном стационаре. И качественнее, чего таить.

Может, мне интересные доставались так редко потому, что я особо не стремился именно к ним. А Тоня вот гналась, и в её утреннем приветствии можно было, пожалуй, услышать лёгкую зависть. Зато пожелание удачи можно было перевести так: «Это очень сложно и совсем непонятно. Не разберёшься – переводи ко мне». В первое время я от неё такое слышал постоянно, но не сдался ни разу, всех лечил сам. Так что она перешла в итоге к тонким намёкам.

У палаты дежурная медсестра доложила: «Доставили шесть часов назад, девочка, около четырнадцати лет. Исключительно низкая температура тела, ребёнок почти синий от холода. Полная потеря памяти». Пока ничего необычного. На общем фоне, конечно. Вошёл, достав из шкафчика с медицинскими принадлежностями градусник. На кровати сидела девушка – я дал бы ей больше четырнадцати, хоть она и была очень маленькой, хрупкой. Бледная-бледная, пепельного цвета волосы тоже, кажется, отдают синевой – словно покрылись инеем. На моё «ну, здравствуй» ответила только кивком и испуганным взглядом больших серых глаз.

– Не против, если я измерю тебе температуру? — неуверенное мотание головой в ответ. Подошёл и ужаснулся, какая холодная... Я таких людей ещё даже не встречал, наверное. Когда пришло время проверять градусник, не поверил своим глазам: двадцать шесть градусов. Двадцать шесть! Несколько раз пробовал перепроверить, но красная полосочка ртути не поднималась ни на деление выше. Послал медсестру за её книжкой, так иронично – как раз в синем переплёте, записал симптомы. Теперь следовало заполнить титульный лист. Но мы так ничего о ней и не знали.

– Как зовут? – спросил, стараясь не выглядеть слишком озабоченным, дети ведь часто боятся врачей. Девочка открыла и закрыла рот, не издав ни звука, посидела ещё минуту, тяжело дыша, и выдала невнятное – долго ещё гадали, что же это за имя такое:

– Канкри...е.

Помню, как постепенно к нам привыкала. А мы – к ней. Сначала только слушала, слушала, не отвечала ни на какие вопросы. Потом начала потихонечку говорить – со смешным, прежде нами нигде не слышанным акцентом. Потом болтала много, по вечерам ждала меня в свою палату – рассказать историю перед сном. Меня немного пугало, что в свои сказки она свято верила, утверждала, будто все это с ней было. А на обычные вопросы о школе, родителях и даже стране – растерянно пожимала плечами. Впрочем, сильно я об этом не беспокоился, списывая всё на богатое детское воображение.

Мы так ничего о ней и не нашли. Писали заявки, распространяли в интернете, пробились на радио и ТВ. Проверяли все «разыскивается» и «пропал человек» – её не искали. Если бы

я мог, послал бы даже космический сигнал, ведь она рассказывала о мире, который никак не мог найтись на Земле. И люди там все были не теплее её, такие же синие, и поверхность – скользкая, и дома серебрились в лучах небесных светил, которые не назывались «солнцем», «луной» или «звёздами».

Постепенно я привязался к ней, как к родной. Всё чаще задвигал какие-то свои дела, чтобы подольше посидеть на работе, послушать ее. А лечение стояло на месте, ничего не менялось. Я готов был даже утверждать, что она здорова, но градусники упорно показывали «двадцать шесть», а девочка упорно оставалась бледной до синевы. Безуспешные исследования затянулись на полгода, потом на год. Руководство призывало «уже отправить её куда-нибудь», поскольку отчаялось найти лечение. Отправить её куда-либо мы не могли.

У этого ребёнка не было никого, кроме меня, других врачей и медсестёр. Я подумывал её удочерить, но по нашим же записям ей было «около пятнадцати», а мне – только двадцать три. Закон же гласил, что разница между усыновляемым и холостым усыновителем должна быть больше шестнадцати лет.

Когда мы восстанавливали ей документы и нужно было указать возраст, я уговорил врачей признать девушку совершеннолетней – мне ведь с самого начала показалось, что она гораздо старше условных «четырнадцати». Тогда просто предложил ей жить у меня – согласилась. Поспешно сделал небольшой ремонт-перестановку: поставил перегородку посреди комнаты, шкаф приобрёл побольше, продал свой громадный, на всё помещение, диван и заменил его на два маленьких. Так ещё больше привязал и ещё больше привязался.

Помню, как искали ей работу. Боялся, что её никуда не возьмут: в начале нашего знакомства девушку пришлось заново учить писать и читать, она не помнила ни одной буквы. И хотя к тому моменту грамотность её была уже весьма высокой, откуда я мог знать, умеет ли она хоть что-нибудь, необходимое для нормальной жизни? Пока я нервничал и искал что-то попроще, она определилась сама. Уговорила какого-то старика-ювелира взять её в подмастерья, сразу же проявив настоящий талант. Камни она любила, но не видела в них большой цены, говорила, что они похожи на простой щебень оттуда, где она родилась.

Я, признаться, тихонько смеялся над всеми этими рассказами, но ей не говорил ничего, не желая обидеть. И пусть истории были красивыми, я продолжал считать, что у неё однажды просто отшибло память – и та не вернулась, даже по частям, хоть и должна была.

Новых знакомых я ревновал и почти боялся: они могли быть опасными для девушки, разбиравшейся в людях хуже, чем в сортах кварца. Но ей отчаянно везло на людей честных, добрых, творческих. «Наверное, просто нам близко то, чем мы сами живём». Однажды она даже повстречала астронома, серьёзного, вроде, учёного, но, видно, отчаянного мечтателя. Он слушал её истории почти влюблённо, а потом пришёл ко мне, пока она работала, и стал допрашивать, откуда взялась, что известно о раннем детстве, и кто дал ей такое имя. Не узнав ничего, ушёл, исчез надолго. Мы снова услышали о нём только через несколько лет. По телевизору.

Помню, как поражала всех страстью к хорошим делам. Делала их, не гордясь ни капли, тихо, молча и бесконечно много. И подбивала на то же самое окружающих. Несколько раз, отправляясь в очередной приют или на благотворительное мероприятие с ней, я видел, как бледная до синевы кожа сверкает. Обман зрения, конечно, но мне тогда казалось, что это она светится от добрых дел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.